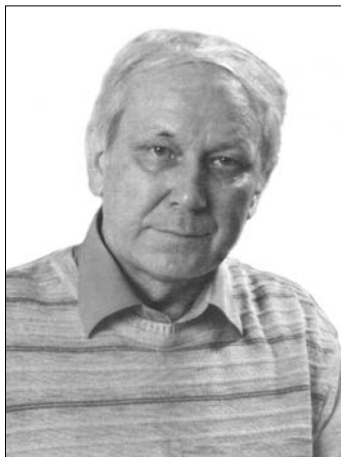

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

НЕ СЛОМАЛИСЬ И НЕ ОТРЕКЛИСЬ...

* * *

Мы — осколки советской эпохи,
Нас не склеить уже, не сложить;
Хороши на излёте иль плохи —
Надо век без надрыва дожить.

Мы — осколки, а может быть, всё же
Хоть непрочно, да как-то срослись,
Потому что, свой выбор итожа,
Не сломались и не отреклись.

Не отбросили прошлое, с новым
Бесконечный ведём разговор
Тем же русским возвышенным словом,
Что несёт и согласие, и спор.

И, священную книгу читая,
Понимаю, что Вера сильна
И, вседневно её обретая,
Никогда не измерю до дна.

ХОМУТОВ Сергей Адольфович родился в 1950 году в г. Рыбинске Ярославской области в рабочей семье. Окончил Литературный институт им. М. Горького. В настоящее время — директор издательства “Рыбинское подворье”. Автор более пятнадцати книг стихотворений.

И надеюсь, что с этим стремленьем
Вновь единство судьба обретёт,
Что когда-то за Богоявленьем
Человекоявление придёт.

* * *

Трезвость полная скучна,
Водочка губительна,
Видно, всё испил до дна,
Что неудивительно.
Были хороши деньки,
Ночки гулеваные,
Были резвые дружки,
Женщины желанные.
Но как будто погрозил
Предводитель племени,
Поубавил плотских сил,
Может, и ко времени.
Не сирень уже цветёт,
А рябина рдяная,
Срок дожития идёт —
Мера, Богом данная.
В целом — плодотворный срок,
Так что гнуться нечего,
В том ещё один урок
Века человеческого.
Среди солнечной травы,
Далее стеариновых,
В звоне золотой листвы,
В небесах рябиновых.

ВЕСНА 2014

Усложнять, ну, а что усложнять,
Если даже простое понять
Невозможно и в целом представить.
Что уж вроде бы проще — война,
Что случалось во все времена...
Проклинать нам её или славить?

Есть победы, — мы знаем, что есть, —
И разгромы, которых не счесть,
И предатели есть, и герои.
Все мы варимся в общем котле...
Ну, и сколько ещё на земле
Будут грезить виденьями Трои?

Вот опять перед этим стоим,
И уже расплзается дым
По недельным славянским просторам.
Усложнять, упрощать ли?.. Когда
Горе близко и рядом беда,
Жизнь людская становится сором.

Коли вдруг полыхнуть суждено,
Всем по-разному, видно, дано
Это почувствовать кожей живую,

Жилкой, бьющеюся на виске,
Если пули свистят вдалеке
Иль над самой твоей головою...

* * *

На кладбище суетно как-то хожу,
Друзей всё труднее уже нахожу
В огромном печальном пространстве,
Хоть этот кладбищенский скорбный массив
Не страшен, пожалуй, скорее красив
В природном цветущем убранстве.

И даже зимою — воздушен и тих,
Как белый, прочитанный вечностью стих,
Как облако в солнечных блёстках.
Куда же спешу я, подольше бы тут
Побыть, побродить, где раздумья растут
Из мыслей — совсем уж не плоских.

Быть может, и главное что-то придёт,
Вот эта тропинка до друга ведёт,
А та — до родительской воли...
Особый, нездешний, таинственный мир,
Не скажешь, конечно, что близок и мил,
Но дорог мне — точно — до боли.

Однажды я всё-таки здесь задержусь
И от суеты оторвусь, отрешусь
В час — прочих часов сокровенней...
Над брэнностью нашей есть что-то ещё,
Недаром же вдруг упадёт на плечо
Листочек берёзки осенней.

* * *

Как будто вместо водки — политура,
А вместо храма — дровяной сарай;
Родимая ты моя литература,
Прошу тебя, молю:

“Не умирай!”

Какая омерзительная сводня
Подсунула нам этот яд и мрак?..
Мне без тебя мучительно сегодня
Среди бездушных ёрников-кривляк,
Что сделали тебя

сплошным приколом,

Провозглашая всяческую гнусь, —
Не обожгусь пылающим глаголом,
Над вымыслом слезой не обольюсь.
Где ты сокрылась,

вечность золотая,

Серебряная, где ты нынче, где?..
Как, столько лет к святому припадая,
Вдруг очутиться в этой пустоте?..

* * *

Опять меня склоняют к загранице,
Совсем не важно — к Риму или Ницце,
Куда угодно, — только поезжай;
Вкусы в Тайланде фруктов небывалых
И прочих разных наслаждений шалых,
Себя инстинктов сладких не лишай.

Но мне приятней волжская прохлада,
Полей осенних тихая отрада,
Рождающая столько светлых строк.
Не выношу макак и крокодилов,
Люблю котов, дворняг простых и милых
И не коплю на турпоездки впрок.

Я — русский, душу изменить непросто,
Напоминает это свойство остро
И ныне, как напоминало встарь.
Я не люблю бананы, авокадо,
Разваристой картошке сердце радо
С огурчиком, грибком да под стопарь.

Своя судьба у каждого поэта,
По-своему согрета и воспета,
И, очевидно, искренне вполне.
Со мной берёзы, ручейки, овраги...
Простите, крокодилы и макаки,
Я не поеду к вам, а вы ко мне.

* * *

Мир наш нынешний таков,
Что никто его не славит, —
Но дорог для дураков
Нам Европа не поставит.

Вдоволь бреда своего
В Риме, Лондоне и Вене...
Не решили ничего
И на собственной арене.

Топит здесь, а там горит,
Где стреляют, где бунтуют,
И Мадрид уже мудрит,
И Норвегия лютует.

Значит, надо жить самим
Безо всяческих идиллий,
Но другим не отдадим,
Что уже нагородили.

Хоть дорог и нет у нас,
Дураков же свору божью
Не получают, нам сейчас
Как без них — по бездорожью?

* * *

Излишняя роскошь сегодня в России — тоска;
Для многих, по сути, она — гробовая доска,
Удавка, петля, что зацепит — не сбросить никак,
Утянет в бутылку, отчуждение, холод и мрак.
Излишняя роскошь...

Но как мы роскошно живём —
Себя загоняем в бездонную пропасть живём.
Я тоже, наверное, не исключение в том,
Вдыхаю большую отраву распахнутым ртом
И сердцем усталым — среди потрясений и драм,
А надо бы к храму,

но где он, спасительный храм?
Копил, наживал бы уж лучше добро про запас —
Деньжонки, вещички, что греют и радуют нас;
Но только и те, кто безмерным богатством оброс,
Внезапно мрачнеют и с горки летят под откос.
Мыслитель-философ гадает,

не может понять, —
Откуда такое, как тёмную ношу поднять,
Напасти заразной суметь избежать на веку?..
И не понимает... И тоже впадает в тоску.

Лишь мальчик и девочка скачут вдвоём на песке,
Смеются и знать не желают об этой тоске.
Посмотришь — и свет зарождается в мыслях твоих
От робкой надежды, что истина кроется в них.